

ПРЕДСТАВЛЯЕМ специальный проект «АиФ». До конца года мы назовем десять великих актрис России из числа ныне живущих.

Журналист и кинорежиссер Игорь ГРИГОРЬЕВ будет встречаться с теми, кто неоднократно поражал воображение своих современников. Сегодня - некоторые фрагменты стенограммы дружеского ужина в японском ресторане с бесспорной жемчужиной русского искусства Инной ЧУРИКОВОЙ.

Кому письмо-то написать?

- КОГДА мы последний раз с вами встречались, я вам видеокассету с фильмом «Пианистка» давал, помните? (Скандальный фильм режиссера Микеля Ханеке, изобилующий весьма откровенными садомазохистскими сценами.)

- Я даже показала ее нескольким людям. Не ожидала, что там все будет так развлекательно. А знаете, почему? (Думает.) Там было... желание докопаться до конца. Мы же проходим мимо людей. И знаем друг друга немножко совсем. Но ужасно то, что это знание нас устраивает.

- Может, это защитная реакция какая-то?

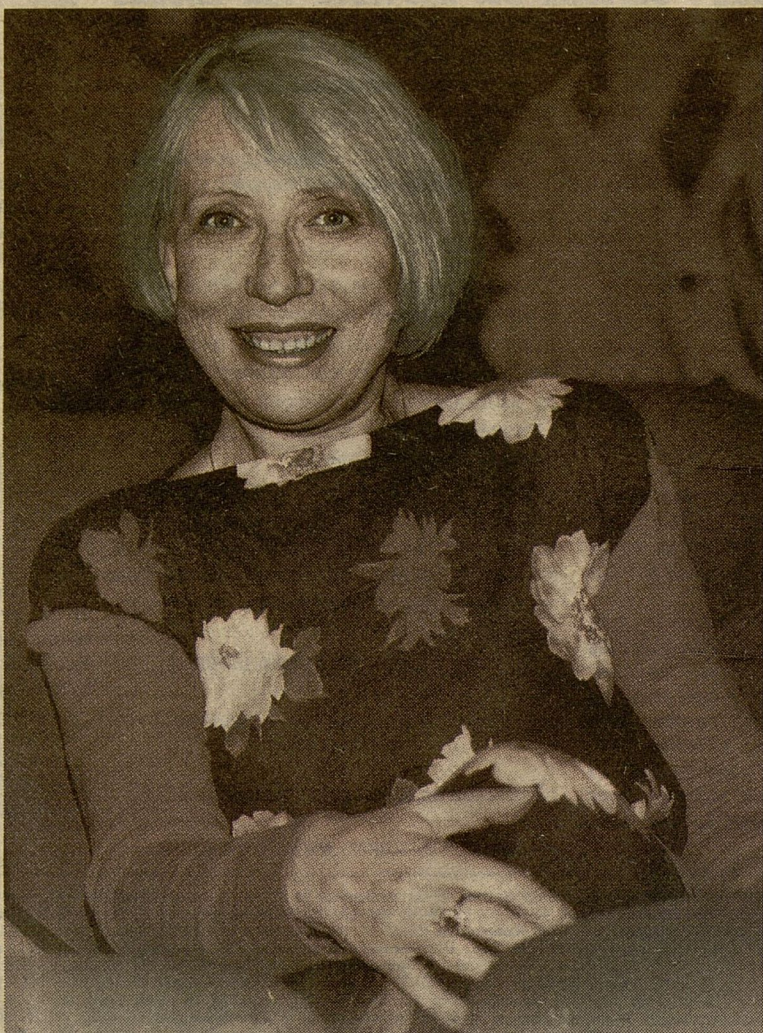
- Очень трудно узнать друг друга. (Смотрит в окно.) А может, и не надо, чтобы не ужаснуться. Может быть, действительно лучше быть невинной в этих знаниях... (Отворачивается от окна.) Но художнику так нельзя. И когда ты за это дело берешься, то надо знать все. Во всяком случае, настолько, насколько ты можешь.

- Говорят, исполнительница главной роли Юппер, получила сценарий, пришла в ужас.

- Да я бы сама в ужас пришла!

- Вот видите. А Катрин Денев - тоже, как и вы, небожительница - могла бы тихонько на иконостасе висеть и, взирая сверху, подхихкивать над теми, кто молится на нее внизу. Но нет же. Строчит письмо фон Триеру, сама напрашивается сниматься. Знаете, почему? Потому что умирать не хочет! Вы понимаете, я не про физическую смерть. И вот она пишет: «Хочу, хочу, хочу!»

Инна Чурикова. Когда душа нараспашку

Ей: «Нет для вас роли». Она: «Так придумайте, найдите!»

- Я не знаю, я не вижу возможностей для экспериментов... Во всяком случае, пока. Мне не предлагают такие истории. И я даже не знаю, кого упрощать, кому писать письмо. А? Кому письмо-то писать?

- Но вы согласны вообще через свои принципы переступать?

- Если бы это был Андрей Тарковский... (Думает.) Я же экспериментировала уже у Кончаловского. А Саввина не пошла. Оскорбилась за русский народ. Ей было неприятно, что там о пьянстве, о зависти, о чем-то таком нехорошем идет речь. В этой «Рябе».

- Вы там даже матюгаетесь.

- А как иначе, если они все там так разговаривают? Там, в

этой деревне... Причем легко, мило, по любому поводу. На ребенка, чтобы он холодильник открыл или сходил за чем-то. Это нормально, это ничего не значит, это как дышать. И когда кого-то это корбит, мне даже как-то странно...

А какие там люди замечательные! Полдеревни со вставными зубами - это настоящие. А полдеревни - беззубые. Это те, которые пьют. (Смеется.) Если бы все это снимал режиссер «Пианистки», то докопался бы точно до чего-нибудь такого! Хотя и у Андрона она получилась, эта картина.

- Скажите мне честно, почему вы рефлексировали, когда вас называют великой русской актрисой?

- Я просто знаю, кто на самом деле великий. Стрепетова, Дузе, Раневская... дальше Яншин, Андровская, Грибов...

- И почему не вы еще? Это что, неудовлетворенность собой, личностная рефлексия, высочайшая требовательность к себе? Почему?

- Потому что я многим недовольна.

- Может, со стороны все-таки виднее?

- Вы знаете, у нас очень деликатный зритель. Хлопает даже тогда, когда ему не нравится. Поэтому ориентироваться на аплодисменты не стоит, даже если они бурные. Помните, как у Пушкина? «...Не дорожи любовью народной. Восторженных похвал пройдет минутный шум; Услышишь суд глупца и смех толпы холодной: Но ты останься тверд, спокоен и угрюм».

- Правильно Раневская говорила, что сняться в плохом кино - все равно что плюнуть в вечность? Ты и помер уж давно, а кино с тобой крутят и крутят.

- Вы знаете, что я с ней общалась? Она посмотрела «Начало», написала мне письмо, а потом звонила часто. Она вообще уникальная женщина. Только чрезвычайно одинокая была.

Старость всегда одинока

- Может, это и есть расплата за величие? Не большая ли жертва за счастье остаться в памяти народной?

- Знаете, старость всегда одинока. (Пронзительно смотрит в глаза.) Вот... вы не знаете, наверное... Такая была актриса... Георгиевская... Не знаю даже, как говорить. (С недоверием смотрит на диктофон.) Мне рассказали... (Долгая пауза.) В общем, она умерла, и никто не подумал даже... Ее не было какое-то количество дней в театре, и я не знаю, на какой точно день обнаружили, что она мертвая. А там в квартире голодная собака была... (Тяжело и громко вздыхает.) И собака обгрызла ее. Ее любимая собака. Потому что она хотела кушать. ...Мне кажется, что мы ну очень индивидуально живем. Понимаете меня? Я не знаю, как это сказать... Равнодушие. Это серьезно сидит во всех нас.

- Хотел вас спросить о комплексах неполноценности...

Чурикова громко смеется.

- Глупость сказал? С годами все проходит?

- Не-а. У вас - может быть, у меня - нет.

- Хоть про один расскажите.

- Вот снимусь в такой картине, как «Пианистка», и потом уже буду говорить.

- Ну вот! А в молодости? Я читал, что вы очень переживали в девичестве по поводу своей внешности. По ночам даже рыдали в подушку...

- Да, я плакала в подушку, но не по этому поводу. Что там - некрасивая или неэффектная...

- Так отчего же плакали?

- Может, влюбленности мои...

- Неразделенная любовь?

- (Грустно.) Страдала. Угу.

- А он как к вам относился?

- Ну как-то уважительно.

- А что, не нужно добиваться человека?

- Я не умею. Честно. Я не знаю, как надо драться за любимого человека и что это такое. Мне кажется, это должно быть взаимное стремление. Очевидно, что тогда мне другая история была уготована, чтобы встретить Глеба. Очевидно, я к этому готовилась.

О любви

- А ЛЮБОВЬ, она проходит, по-вашему, или нет?

- Она меняется. Как у Шагала. Казалось, что это одно дерево, а на самом деле их два. Все соединились.

Ой, а сколько времени? Меня режиссер ждет. Вчера пьесу прислали. Над вторым актом проплакала. Хорошая, значит, пьеса...

- Очень редко такое бывает, очень редко.

- Это, не поверите, второй раз в моей жизни.

- А первый?

- Я помню, как к нам домой пришел Саша Эдгиллов, ученик Глеба. Его уже нет в живых. Талантливый был кинематографист, жил в Киеве. Он читал свой сценарий по повести Распутина. Как где-то в провинции встретились два человека. Они еще в молодости знали друг друга. И вот он приезжает в глубокую провинцию на совещание какое-то. Они встречаются в гостинице. Уже светает, письменный стол, на котором отпечатаны горячие стаканы белыми кругами, умывальник в углу. Она к нему пришла в гости, и он стал ухаживать за ней. И как-то ему надо было рассказать, что ее любимый человек, который уже ушел из жизни, был не верным ей... Любил многих... (Глаза Чуриковой наполняются слезами.) ...Как она изменилась, как помрачнела... как стала с ума сходить...

- Он снял этот фильм?

- (Вытирает слезы.) Да. Любшин и Русланова там у него сыграли.

- Знаете, многие люди не любят смотреть такое кино, считая его тяжелым.

- Во всяком случае, когда я смотрю такие фильмы, то не определяю, мрачные они или нет. Они прекрасны тем, что откровенны.

Фото Геннадия УСОЕВА

БЛИЦОПРОС

- Произведение искусства, которое произвело на вас самое неизгладимое впечатление? - «Ночи Кабири».

- Люди, чья жизнь вас восхищает? - Чехов, Ахматова.

- Актриса, которой без колебания отдали бы все свои титулы и награды? - Анна Маньяни.

- Пять фильмов с вашим участием, которые вы советуете посмотреть, чтобы узнать вас как актрису? - «В огне брода нет», «Начало», «Васса», «Тема», «Плещ Казановы».

- С каким животным вы бы себя сравнили? - С белочкой.

- О чем вы просите Бога? - Научить меня любить, терпеть, прощать и молиться... Молюсь. Хотя можно было бы и чаще.